

Эта часть работы выложена в ознакомительных целях. Если вы хотите получить работу полностью, то приобретите ее воспользовавшись формой заказа на странице с готовой работой:

<https://stuservis.ru/diplomnaya-rabota/169254>

Тип работы: Дипломная работа

Предмет: Криминология

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ПОНЯТИЕ И ЦЕЛИ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ.....	5
1.1 Понятие преступления.....	5
1.2 Принципы и цели предупреждения преступности.....	15
1.3 Субъекты и объекты предупреждения преступлений.....	26
ГЛАВА 2. СИСТЕМА ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ.....	38
2.1. Виды и формы предупреждения преступлений.....	38
2.2. Основные проблемы обеспечения деятельности по предупреждения преступлений.....	49
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	59
СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	62

Как известно и общепринято, общественная опасность является категорией, указывающей на способность деяния причинять вред общественным отношениям, охраняемым уголовным законом, или ставить эти отношения под угрозу причинения вреда. Общественную опасность в связи с этим считают основой представления о преступлении, его сущностной характеристикой, находящей свое выражение в объективной действительности, не зависящей от человеческого знания о ней.

Свойство объективности общественной опасности означает, что человек не способен своим субъективным волеизъявлением изменять действительность так, чтобы можно было представить общественную опасность как-то иначе. Если общественная опасность существует, значит, это факт действительности, объективная реальность, словно закон природы, которому подчиняются естественные процессы независимо от знания человека о них. В данном случае роль субъекта сводится к минимуму, на его долю остается только выявить или установить то, что и так уже существует в качестве общественно опасного. А если эта опасность будет выявлена, стало быть, необходимо этот общественно опасный процесс описать таким образом, чтобы иметь возможность сформулировать уголовно-правовой запрет, который призван, во-первых, раскрыть социальную сущность общественно опасного проявления, во-вторых, предотвратить его дальнейшее распространение. Такое объективистское представление об общественной опасности можно выразить в словах А.А. Пиантовского: «Общественное свойство преступного деяния – его опасность для социалистического правопорядка не поддается чувственному восприятию, но, тем не менее, оно объективно существует и может быть познано нашим рассудком путем уяснения вредного, отрицательного значения данного деяния для развития укрепления социалистических общественных отношений и охраны прав и интересов отдельных граждан» .

Если уголовно-правовой запрет способен воздействовать на некую объективную действительность, то можно столкнуться с парадоксом, заключающимся в том, что субъективное вмешательство способно оказать воздействие на некий объективный процесс. Но как это возможно? В литературе об этом написано достаточно много. В основном же такой механизм воспрепятствования сводится к тому, что мы оказываем влияние на какой-то общественно опасный процесс через сознание человека – субъекта, который является как бы его проводником, непосредственным действующим лицом этого процесса. Но в таком случае объективность общественной опасности сводится к тому, что человек как участник социального явления и определяемый как преступник должен быть непосредственно реализатором этого социального процесса или явления, иначе мы помыслить преступление не можем.

Исходя из этого уголовно-правовое воздействие состоит не в воздействии на явление, объективно данное и независимое от сознания человека, а на само сознание, от которого данное явление получает объективированную форму, т.е. преступление. Так, например, убийство возможно познать только в том случае, если есть убийца, кражу – только если есть вор, изнасилование – только если есть насильник и т.д. В связи с этим некоторые авторы стали включать в познание преступления субъекта, совершающего это деяние, т.е. непосредственно деятеля, и таким образом вести речь о некоем синтезе объективных и

субъективных признаков, дающем представление о преступлении.

И в этот момент также следует отметить, что позиция, основанная на объективности общественной опасности, ставится как минимум под сомнение. То есть, если есть человек, от воли и сознания которого зависит некое объективное явление, значит, не настолько оно объективно в строгом смысле слова, чтобы утверждать это.

Если же принимать эту точку зрения, которая по большому счету вписывается в конструкцию состава преступления, следовательно, общественная опасность складывается из определенной формы взаимодействия человека с действительностью. Эта форма взаимодействия может быть описана в терминах юриспруденции, т.е. стать проекцией в законе, быть отраженной в качестве уголовно-правового запрета.

Общественная опасность становится моделью, описанием связи человека с действительностью, получаемой выражение в прескриптивной форме, т.е. в форме определенного правила поведения. В таком случае общественная опасность как бы растворяется в уголовно-правовом запрете и сливается с ним: преступление есть постольку, поскольку оно запрещено.

Поэтому познание преступления возможно только в нормативной форме. Если же утверждать, что преступное в качестве общественно опасного существует еще до запрета, это значит, одновременно утверждать, что это явление существует само по себе, как какое-то небесное тело, еще не описанное ученым-астрономом. Но это также может означать, что в природе уже существуют все формы преступлений, которые были и которые еще предстоит описать, но просто нам о них пока ничего не известно. Считаем, что это далеко от истины.

Описание преступления есть процесс описания в первую очередь человеческого поведения. Если это поведение напрямую зависит от человека, значит, никакой объективности в этом процессе нет. Дело в том, что в рамках модели описания деяния в качестве действующих лиц мы имеем не только наблюдателя в виде законодателя, но лицо, совершающее преступление. Если он участвует в образовании отдельного объективного явления, значит наблюдатель-законодатель имеет отношение не с самим по себе явлением, но с сознанием субъекта, при непосредственном участии которого это явление раскрывается. Таким образом, уголовно-правовой запрет есть способ описания не явления как такового, а описание субъекта, способ его познания. Только с помощью описания деяния, такого, как убийство, я могу дать описание убийцы. Таким образом, состав убийства по существу есть способ познания убийцы или скрытой и непознанной до этого сущности конкретного убийцы, которая раскрывается, когда оказывается совершенным убийство.

Следующее критическое замечание относительно объективной характеристики общественной опасности состоит в том, что если мы рассматриваем эту опасность как явление независимое от сознания человека, то следует признать, что мысль о преступном складывается в нас исходя из некой идеи не положенной еще в эмпирической действительности, но позволяющее уже высказывать мысль о преступлении. Можно ли образно создать представление о преступлении, когда оно еще не получило реального воплощения в жизни в виде нормативного описания? Позитивисты ответят, что нет: мы не можем назвать преступлением то, что не отражено в законе. Но в таком случае, что же мы мыслим, когда думаем, что нечто есть преступление, когда его еще нет в нормативном смысле? Как мы можем мыслить общественную опасность как преступление, если оно не отражено в уголовном законе? Можно сказать, что мы мыслим в этом случае вред, который объективно причиняется. Однако вред вреду рознь. Он может быть различных оттенков. И если это так, то одним будет казаться, что это вред общественно опасный, другим вовсе так не казаться. Можно сказать, что объективность общественной опасности в этом случае также теряется в силу того, что происходит не просто описание какого-то явления как общественно опасного, а происходит определенная оценка, которая не может носить по определению своего качество объективности.

Если вред объективен, значит, он не может быть оценен по-разному, объективная истина не предполагает решения вопроса о ней с помощью двух или более мнений. Кто-то должен в итоге оказаться прав.

Еще один тезис касается вопроса об объективности самого понятия «общественная опасность». Имеет ли оно право на существование как категория действительности? Если исходить из тезиса, что общественная опасность представляет собой объективный вред, то в этом случае общественно опасно все, что фактически может его причинить. Камень, упавший с крыши, это тоже опасность, которая также носит объективный характер. Вряд ли найдется кто-то, кто хотел бы таким образом пострадать. Что же позволяет нам говорить об общественной опасности в уголовно-правовом смысле? Только сознание другого, т.е. субъекта, который может совершить что-либо вопреки нашим самым добрым ожиданиям.

Опасность будет представлять только тот вред, что причинен субъектом, обладающим сознанием и волей.

Стало быть вред объективным быть не может. В противном случае мы признавали бы как вред все то, что может и способно причинить нам вред, а значит, все это является преступлением. Но мысль о преступном не дает нам шанса мыслить всякий вред, который нам может быть причинен, кроме того, который причиняет другой субъект. Именно обращаясь к его сознанию, мы понимаем, что есть преступление, что убийства и кражи происходят не просто сами по себе, а что их совершают люди, обладающие таким же сознанием, как и я, и которым я, в свою очередь, предъявляю претензии на свою безопасность.

В этом месте мы приблизились к пониманию общественной опасности и сути преступления, как того, что может переживаться только в субъективном качестве.

Для осознания преступления действительно не нужен закон и также понимание вреда в той или иной его степени, когда мы вынуждены отличать преступное от не преступного в каком-то мелком числовом формате (например, мелкое хищение от кражи). Мысль о преступлении дает мне само осознание себя как существа, обладающего ценностями, как существа способного к жизни только в том случае, если эти ценности для меня сохраняются, существуют. При этом ценностное отношение может быть сформировано только в том случае, если я думаю о том, что эти ценности можно утратить.

Утрата ценностей связана с осознанием того, что есть такие же люди, как и я, но являющиеся другими: со своей волей, желаниями, со своим набором ценностей. Я притязую на свои ценности, и это притязание основано только на том, что существует Другой. Притязать на что-либо вне Другого я не могу, поскольку все, что может произойти с моими ценностями, в том числе и я сам, подчиняется воле случая. В любой момент может случиться так, что я умру или погибнет то, что составляет для меня ценность.

Но я могу в то же время предупреждать гибель или повреждение моих ценностей, обращаясь к другому сознанию с призывом или молчаливым ожиданием того, что это не произойдет.

Ценность, измеряемая моими переживаниями, не является чувствами и переживаниями Другого, но этот другой может в свою очередь на них покуситься. Иначе говоря, понятие об опасности или понятие о преступлении в целом рождается из страха утратить ценности. При этом можно сказать, что в уголовно-правовом варианте не закон изначально задает мышление о преступлении, а мы сами, притязая на то, чтобы сбыться как переживающим и чувствующим существам. Можно также сказать, что в этом случае речь идет об уголовном праве в имманентном смысле. Опасность становится понятием имманентным, понимаемым как переживание опасности, но не как объективное качество, которое следует осознавать. Мне не нужно что-либо дополнительно понимать, когда я переживаю свои ценности. Это переживание есть аподиктический тезис, не требующий никакого внешнего описания или объяснения.

Опасность для меня рождается только внутри меня от Другого, от которого я могу ожидать гибели своего ценностного мира, в том числе и самого себя.

Следует отметить, что мысль об аподиктическом основании представления о преступлении существовала достаточно давно, только о нем говорили, как о естественном преступлении, существующем всегда и везде, независимо от воли и сознания человека. Но только когда заходит разговор о естественном преступлении, следует также отчетливо понимать, что в то же самое время мы говорим также и о преступнике, который его совершает, о его качествах, внутренних, внешних. Наиболее четко представление, основанное не на метафизических предпосылках, было представлено в антропологической школе. Именно антропологи первыми обнаружили тот аспект в уголовном праве, что для того, чтобы это право действовало, необходимо искать детерминанты не во внешней среде, отделенной от человека, а внутри самого человека. Коротко говоря, если хочешь понять, что представляет собой преступление – изучай личность преступника. Не случайно именно антропологам выпала честь эмпирического открытия криминологии, поскольку только они и нащупали то подлинное основание, которое лежит в основе понимания преступления – человека. Именно поэтому и концепция опасности в уголовном праве является детищем именно этого криминологического направления.

Многие философы при попытке ответа на вопрос о природе преступления не могли предложить ничего кроме неких метафизических конструктов, определяющих, что под преступлением понимается.

Общественная опасность есть один из таких конструктов. Вред, причиняемый обществу, есть вред, основанный на том, что лицо разрывает союз, вытекающий из т.н. социального договора с другими членами общества, противопоставляя тем самым себя обществу, в связи с чем и причиняется общественный вред (Руссо, Беккариа).

Несмотря на множество написанных книг по теоретическим аспектам общественной опасности, так и не выработано единого взгляда на ее природу. На наш взгляд, это обусловлено тем, что классики приняли достаточно легковесный тезис о том, что наказанию подлежит только деяние, но не преступник, и только поделом преступнику и возможно наказание.

Основываясь на теории справедливости распределительного типа, они определили за преступления соответствующие наказания, тем самым также определив и меру ценности объекта преступления. И теперь, изучая преступление только как внешнюю действительность, мы всегда сталкиваемся с одной и той же проблемой, а именно, что преступление нельзя возвести в ранг какого-то естественного, объективным образом обоснованного явления, которое бы всегда и везде вселяло в нас уверенность, что это именно преступление, а не нечто иное.

Все преступления по существу своему случайны, они не могут выступать в качестве какой-то сущности, поскольку случайны. Случайны – потому что в этом мире они могли бы быть и другими. Это подтверждается тем, что не во всех странах существует одно и то же представление о преступлении. Возможно, что правовые системы близки по уровню правосознания и выражения его в законе. Но все эти правовые системы могли бы быть и иными. Можно, конечно, говорить, что да, преступления – это случайности, но не случайны они в том, что исходным основанием для криминализации служит сама сложившаяся социальная действительность, требующая своего понимания о должном. Но и этот тезис также не выдерживает критики, поскольку следует сказать, что именно в это время та или иная правовая система и социальная действительность могли бы быть другими. То есть нет никакой необходимости в их существовании как если бы мы говорили о каком-то вечном законе или идее. Но что же тогда остается на долю знания о действительности? Практически ничего.

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 05.04.2021, с изм. от 08.04.2021) // "Собрание законодательства РФ", 17.06.1996, N 25, ст. 2954.
3. Федеральный закон от 23.06.2016 N 182-ФЗ "Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации" // "Собрание законодательства РФ", 27.06.2016, N 26 (Часть I), ст. 3851.
4. Федеральный закон от 07.02.2011 N 3-ФЗ (ред. от 05.04.2021) "О полиции" // "Собрание законодательства РФ", 14.02.2011, N 7, ст. 900.
5. Указ Президента РФ от 18.04.1996 N 567 (ред. от 31.12.2019) "О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью" (вместе с "Положением о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью") // "Собрание законодательства РФ", 22.04.1996, N 17, ст. 1958.
6. Постановление Правительства РФ от 19.01.2005 N 30 (ред. от 01.02.2020) "О Типовом регламенте взаимодействия федеральных органов исполнительной власти" // "Собрание законодательства РФ", 24.01.2005, N 4, ст. 305.
7. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 N 345 (ред. от 03.02.2021) "Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности" // "Собрание законодательства РФ", 05.05.2014, N 18 (часть IV), ст. 2188.
8. Приказ МВД России от 17.01.2006 N 19 (ред. от 28.11.2017) "О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений" (вместе с "Инструкцией о деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений") // СПС КонсультантПлюс.
9. Приказ МВД РФ от 31 декабря 2013 г. № 1040 «Вопросы оценки деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
10. Приказ МВД РФ от 19 февраля 2015 г. № 269 «Об утверждении формы статистической отчетности "Профилактика"» // СПС КонсультантПлюс.
11. Борин Б.В., Ищук Я.Г. Понятие оперативно-розыскной профилактики преступлений. 2017 // <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-operativno-rozysknoy-profilaktiki-prestupleniy>.
12. Жубрин Р.В. Предупреждение преступности на современном этапе развития российского общества: понятие, содержание, принципы. 2016 // <https://cyberleninka.ru/article/n/preduprezhdenie-prestupnosti-na-sovremennom-etape-razvitiya-rossiyskogo-obschestva-ponyatie-soderzhanie-printsipy>.
13. Гарманов В.М., Сатюков А.Г. Прикладные аспекты изучения территориального распределения преступности // Викиматология. 2018. № 3 (17). С. 42-52.
14. Гайдуков Т.В. Топографический фактор в детерминации групповой уличной преступности // В сборнике: Крымские юридические чтения. Преступность и общество Сборник материалов научно-практической конференции. В 2-х томах. Под общей редакцией Н.Н. Колюки. 2018. С. 161-165.
15. Грибанов Е.В. Культура противодействия преступности и технологии предупреждения преступлений //

- Уголовная политика и культура противодействия преступности: материалы Междунар. науч.-практ. конф., 15 сентября 2017 г.: в 2 т. Т. 1. Краснодар, 2017. С. 212.
16. Грибанов Е.В. Некоторые особенности современной культуры противодействия преступности // Уголовная политика и культура противодействия преступности: материалы Междунар. науч.-практ. конф., 30 сент. 2016 г.: в 2 т. Т. 1. Краснодар, 2016. С. 146-147.
17. Грибанов Е.В., Иванченко Р.Б. Криминологическая оценка места института пробации в российской правовой и правоохранительной действительности // Вопросы ювенальной юстиции. 2016. № 2 (56). С. 4-8.
18. Гишинский Я.И. Девиантность, преступность, социальный контроль в обществе постмодерна: сборник статей. СПб.: Алетейя, 2017. 282 с.
19. Жданов Ю.Н., Овчинский В.С. Киберполиция XXI века. Международный опыт / под ред. С.К. Кузнецова. М.: Международные отношения, 2020. 288 с.
20. Игнатов А.Н. Биологические факторы детерминации насильственной преступности // Всеросс. криминологический журнал. 2016. № 2. С.116-118.
21. Клеймёнов М.П. Криминологическое законодательство // Вестник ОмГУ. Сер. «Право». 2017. № 1 (50). С.88.
22. Кристи Н. Контроль над преступностью как индустрия. Вперед, к ГУЛАГу западного образца / под общ. ред. Я.И. Гишинского; ред. и авт. прим. Ю. Чижова; пер. с англ. А. Петрова, В. Пророковой. 3-е изд. СПб., 2016. 377 с.
23. Комлев Ю.Ю. Цифровизация, сетевизация общества постмодерна и развитие цифровой криминологии и девиантологии // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11. № 1 (39). С. 31 – 40.
24. Комлев Ю.Ю. Интегративная криминология: девиантологический очерк: учебное пособие. Казань: Центр инновационных технологий, 2016. 248 с.
25. Лунеев В.В. Россия должна исторгнуть приметы правовой системы планеты Транай // Государство и право. 2017. № 3. С. 43-66.
26. Овчинский В.С. Криминология цифрового мира: учеб. для магистратуры. М., 2018. С. 245-351.
27. Овчинский В.С. Технологии будущего против криминала. М.: Книжный мир, 2017. 288 с.
28. Осипенко А.Л. Государственно-частное партнерство в сфере противодействия киберпреступности // Вестник ВИ МВД России. 2016. № 4. С. 37-44.
29. Симоненко А.В., Грибанов Е.В. Криминологические технологии и инженерия: место в науке и значение для правоохранительной практики // Общество и право. 2016. № 1 (55). С. 121-127.
30. Симоненко А.В., Грибанов Е.В. Уголовная политика и культура противодействия преступности в России: состояние и перспективы // Общество и право. 2017. № 3 (61). С. 13-14.
31. Сорокин П.А. Преступление и кара. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2015. С. 182.
32. Соловьев В.С. Вопросы обеспечения криминологической безопасности социального сегмента сети Интернет // Уголовная политика и культура противодействия преступности: материалы Междунар. науч.-практ. конф., 15 сент. 2017 г. Т. 2. Краснодар, 2017. С. 23-24.
33. Фимушкин А.П. Общая криминологическая характеристика уличной преступности в РФ // Аллея науки. 2019. Т. 3. № 16. С. 761-764.
34. Хрущёва Ю.А., Мальчевская Е.В. Влияние благоустройства города на состояние уличной преступности // Сборник статей XV Международной научно-практической конференции. Ответственный редактор Г.Ю. Гуляев. 2018. С. 168-171.
35. Хомутов М.В. Российский опыт участия социально-ориентированных некоммерческих организаций в предупреждении преступлений // Актуальные вопросы современной науки: материалы Междунар. науч.-теорет. конф., посвященной Дню науки (6 апреля 2018 г.). Актобе, 2017. С. 349-353.
36. Шалагин А.Е. Предупреждение преступлений в сфере информационных и телекоммуникационных технологий // Актуальные проблемы правоохранительной деятельности органов внутренних дел на современном этапе: материалы всероссийской научно-практической конференции. Казань, 2019. С. 216 – 221.
37. Шалагин А.Е., Шалагина А.К. Типология подростков и молодежи, характеризующихся различными формами девиантного поведения // Вопросы педагогики. 2020. № 4-1. С. 289 – 293.
38. Шалагин А.Е., Идиятуллов А.Д. Взаимосвязь суицидального и преступного поведения // Вестник экономики, права и социологии. 2018. № 1. С. 159 – 161.
39. Яковлева М.А. К вопросу о правовом регулировании механизма профилактики преступности. 2017 // <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-pravovom-regulirovanii-mehanizma-profilaktiki-prestupnosti>.

Эта часть работы выложена в ознакомительных целях. Если вы хотите получить работу полностью, то приобретите ее воспользовавшись формой заказа на странице с готовой работой:

<https://stuservis.ru/diplomnaya-rabota/169254>